

скве, Санкт-Петербурге, Мурманске, Краснодаре, Екатеринбурге («Благотворительный фонд помощи бездомным животным», с 2004 г.), Тюмени (благотворительный проект «Собака-копилка»), Пятигорске («Кото-фест») и мн. др. С 2009 г. такие акции проходят и в Улан-Удэ. 29 марта 2009 в центре г. Улан-Удэ прошла первая акция защитников животных, которая вошла в общероссийскую (пикеты проходили в 50 городах России). С тех пор подобные акции проходят на регулярной основе.

Зоозащитники регулярно проводят рейды по поимке бродячих животных, чтобы уберечь животных от гибели, вакцинировать их, попытаться пристроить в добрые руки. Пойманные гуманными способами, животные проходят обязательный карантин, лечение, стерилизацию, вакцинацию. Очень часто волонтеры берут животных на передержку домой, прививая им навыки жизни в доме, с людьми. Как заявляют сами волонтеры, случаев успешной передачи животных в добрые руки тоже становится больше.

Таким образом, в современном российском обществе достаточно сильны и находятся на подъеме процессы благотворительности, что говорит о том, что чужое горе находит отклик в сердцах людей, они готовы отдавать свою посильную помощь в той или иной форме для других людей, и не только для людей, распространяя свое милосердие и на животных.

Литература

1. Березина Е. М. Осуществляемое милосердие // Вопросы культурологии. — 2012. — № 4. — С. 18.
2. Наместникова И. В. Этические основы социальной работы. — М.: Юрайт, 2012. — С. 94.

УДК 27-184.3

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-160-167

ПРОБЛЕМА ЦЕННОСТНОГО ПОНИМАНИЯ СВОБОДЫ В ПРАВОСЛАВНОМ ВЕРОУЧЕНИИ

© **Евгений Александрович Фомин**

иерей, настоятель, Михаило-Архангельский приход, пос. Селенгинск,
Республика Бурятия
E-mail: fofonovo@gmail.com

© **Дари Шойбоновна Цырендоржиева**

доктор философских наук, профессор, Бурятский государственный университет
E-mail: dari145@mail.ru

В статье определены главные ценности свободы в русском православном вероучении — это чистая совесть, чистые помыслы, добрые дела, любовь к ближним и человечеству в целом, смирение. Проблему свободы следует рассматривать с точки зрения христианского антропоцентризма. Сам человек должен для себя лично стать «мерой вещей» и познать онтологическую ценность свободы. Свободы, прежде всего, от за-

прета на личное мировоззрение и на вид деятельности, избираемый им на жизненном пути. Человек представляет наивысшую ценность как свободная личность, сотворенная Богом. Посягательство на свободу личности равноценно отрицанию Божественного замысла о творении человека. Истинная свобода — это основа подлинного счастья человека. Когда духовное победит телесное, когда человек полюбит себя самого и примет, но без гордыни, а как дитя Господа.

Ключевые слова: свобода, совесть, любовь, добро, православие, ценность, человек, церковь.

THE PROBLEM OF VALUE CONCEPT OF FREEDOM IN THE ORTHODOX FAITH

Yevgeny Fomin

Priest the Abbot of St. Michael the Archangel parish p. Selenginsk, Republic of Buryatia

Dari Tsyrendorzhieva

Doctor of Philosophy, Professor, Buryat State University

In this article the values of freedom in the Russian Orthodox Faith — a pure conscience, pure thoughts, good deeds, love for others and humanity as a whole, and humility. The problem of freedom should be considered from the point of view of Christian anthropocentrism. Man must for himself to become a «measure of things» and to know the ontological value of freedom. Freedom is, first of all, from the ban on personal ideology and activity, elected by them on the path of life. Man is the highest value, as a free individual, created by God. Encroachment on individual freedom amounts to a denial of the Divine plan of the creation of man. True freedom is the Foundation of genuine happiness. When the spiritual wins corporal, when one loves himself and will, but without pride, but as a child of the God.

Keywords: freedom, conscience, love, kindness, Orthodoxy, value, human, church.

Современная европейская цивилизация на Западе и на Востоке, с неуклонной прямолинейностью утверждая свободу и благоденствие плоти, фактически совершенно игнорирует безопасность души человеческой. Провозглашая свободу страстей и решительно отвергая идею христианской любви, она все очевиднее вводит народы в последний круг существования. В конечном счете все современные кризисы своим источником имеют именно абсолютизированную внешнюю свободу, которая, при утрате понятия греха, превращается в произвол безжалостного эксплуататора по отношению ко всему: и к человеку, и к природе, и к мысли, и к творчеству, и к духовным, нравственным и прочим законам жизни. Эта свобода как вседозволенность неуклонно ведет современное человечество, как бы ни казалось это парадоксальным, к полной утрате даже самой внешней свободы, ведет мир к окончательному установлению в нем лукавого и жестокого тоталитарного режима. Современная действительность дает достаточные основания для такого вывода.

Внешняя свобода легко продается за элементарный комфорт. Все больше людей охотно отдают свою свободу в обмен на удобную и спокойную жизнь. Не нужно принимать какие-либо решения. Меньше ответственности. Этот отказ от свободы вполне закономерен: страсти, получая свободу и изнутри поработавшая человека, делают его сластолюбивым, эгоистичным и тем самым все более способным продать первородство своей совести за чечевичную похлебку скоропреходящих удобств и прихотей. Картины подобных сделок сейчас можно видеть во всех сферах жизни. Откровение святого Иоанна Богослова совершенно определенно предвозвещает всеобщее добровольное рабство по этой причине: «И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в книге жизни» (Откр. 13, 8).

Свобода, например, слова, печати и т. д. — нормальное явление, но лишь до тех пор, пока действует «в границах» идеи любви к человеку. Подчинившись же идеологии золотого тельца, она превращается в инструмент инсинуаций, лжи, пропаганды разврата, насилия, сатанизма и прочего, то есть становится узаконенным орудием зла. Может ли в таком качестве она быть отнесена к категории добра и именоваться свободой, чтобы иметь право на существование в нормальном человеческом обществе? Не потому ли все права и именуется свободами, что они призваны освобождать человека от насилия коренящихся в нем злых страстей, созидать и духовно совершенствовать его, а не развращать, не терзать, не убивать себя и себе подобных?

Внешние свободы не могут быть самоцелью. Они с точки зрения православного понимания человека — одно из возможных, но не обязательных условий для достижения главной цели христианской жизни — свободы духовной, и всегда должны быть ограниченными, чтобы стать полезными. Впрочем, безграничными они никогда и не бывают. Господствующий же в современном цивилизованном мире принцип «свобода ради свободы», т. е. полный приоритет свободы над любовью, оказывается своего рода наркотиком, который губит и которым губят все большее число людей. Без христианского духовно-нравственного критерия нет реальной возможности положительно решить вопрос о внешних свободах [2]. Этот критерий — примат любви над всеми другими ценностями человеческой жизни. Потому только «в ключе любви» [3] возможна оптимальная реализация всех тех прав, которые необходимы человеческому обществу.

Опасность ложного восприятия православия заключается не только в абстрактном его понимании. Гораздо чаще мы имеем дело с втискиванием его в сугубо доктринальные рамки, с проблемой формализма и законничества («иудаизацией» православия). Евангелие утверждает любовь и веру как вечные безраздельные субстанции, не зависящие от времени, богословской доктрины и церковно-бюрократической организации. К сожалению, эти сугубо земные категории, частично для верующего действительно необходимые (в том числе и для регуляции духовной жизни), часто становятся главным приложением человеческих сил вместо реализации основного евангельского принципа любви к ближнему.

Для того чтобы постичь «меру вещей», мы должны быть свободными в первую очередь в границах самой церкви. Проблему свободы здесь следует рассматривать с точки зрения христианского антропоцентризма.

Нередко в христианской литературе встречается мысль о том, что мутация западного христианства произошла вследствие возникшего в Средневековье антропоцентризма, противопоставившего себя христианской традиции. Это неверно, ибо лишь со временем, в эпоху Просвещения, западное общество поставило во главу угла человека как свободную личность именно в отрыве от духовного источника, и таким образом антропоцентризм, изначально присущий христианству, утратил религиозные черты. Христианский антропоцентризм несколько не противоречит евангельскому воззрению на место человека в мире и его взаимоотношения с Творцом. В «сотрудничестве» Бога и человека («синергии») человек как личность представляет собой самостоятельный субъект действия, обладающий данной ему самим Богом свободной волей [1].

«Человек есть мера всех вещей». В этой античной формуле для христианина нет ничего крамольного. Русскому православному христианину порой действительно трудно установить правильное отношение к окружающему миру и понятию «свободы». «Мерой всех вещей» для него привычно является *начальник* — чиновник, работодатель, священник. Но именно сам человек и тем более христианин должен для себя лично стать «мерой вещей» и познать онтологическую ценность свободы. Свободы, прежде всего, от запрета на личное мировоззрение и на вид деятельности, избираемый им на жизненном пути. Христианство в этом вопросе лишь предлагает свою помощь. Главное, что мы должны уяснить в христианстве вообще, это то, что эта религия любви никогда ничего не запрещает. Необходимо отбросить навязанные и надуманные взгляды о христианстве, как о некоей «системе запретов» [4].

Сейчас мы говорим о «свободе во Христе» и свободе духа человеческой личности вне теологического или догматического сознания церкви (несколько при этом не разграничивая понятия «Церковь» и «Бог»). Мы лишь анализируем атрибут духовной природы человека в свете христианской антропологии.

Человек представляет наивысшую ценность, как свободная личность, сотворенная Богом. Посягательство на свободу личности равноценно отрицанию Божественного замысла о творении человека. Мы не встречаем никаких ограничителей или категорических постулатов со стороны евангельской проповеди. Человек евангельской жизни проникает в атмосферу свободы с полным правом иметь личное мировосприятие, не навязанное внешней средой. Плодом евангельской жизни во Христе становится «любовь, радость, мир... На таковых нет закона» (Гал. 5; 22–23). По словам ап. Павла мы видим, что человек христианской жизни оказывается выше дел Закона, равно как и закона греха с его детерминизмом.

Именно о свободе в широком смысле слова говорит нам Евангелие. В этой книге мы никогда не заметим требования исполнить закон или соблюсти заповеди во имя своего спасения. Христос не приказывает. Его учение носит сугубо рекомендательный характер, что предельно расширяет про-

странство человеческой свободы. Ради спасения познавшим христианство даруется Таинство Евхаристии в литургическом пространстве церкви, которая является хранительницей этого таинства. Но поскольку церковь находится в условиях земного ограниченного существования, то имеет и свою организацию, воплощаемую в правилах и церковных канонах, которых мы придерживаемся добровольно.

Земная Церковь существует во времени, априорно присутствующем в нашем сознании. Время — преимущественно экзистенциальная данность материального мира, в котором человек находится как существо телесное. Совместное создание правил, как и любой продукт человеческой деятельности, несколько не превосходит эмпирическую данность времени. Ошибочное обожествление как нашей творческой деятельности, так и любой канонической системы правил связано с проекцией последних в траекторию вневременного бытия.

Мы часто склонны полагать, что созданные силами наших способностей предметы превосходят категорию времени, являясь отправной точкой начала вечности. Противоречия, связанные с онтологической свободой личности в аспекте христианской жизни и канонической стороной церковных правил, будут иметь место тогда, когда мы придаем последним ценность вневременного порядка. Иными словами, нам важно сознавать, что не человек для правил, установленных следствием необходимости временного бытия, но правила для человека, личность которого восходит к вечности. Следовательно, каноны, правила, уставы, созданные для структуры земной церковной организации, не являясь в абсолютном смысле путеводителем жизни свободного христианина.

Церковь с ее иерархической организацией существует во времени и пространстве, и не следует выходить за пределы этих простых категорий, развивая мысль о «небесном происхождении церковной организации». Это не более чем мысленная абстракция, не имеющая реальных оснований.

Итак, переступая порог церковной ограды, человек в строгом смысле не переступает порог вечности. Церковь как бы дает *зalog* вечности для христианина в Таинстве Евхаристии. Вся литургическая жизнь церкви восходит к этому основному таинству, говоря об обожении человеческой личности, к которому мы призваны Богом. Именно обожение («теозис»), о котором говорят отцы церкви, составляет подлинную цель христианской жизни. Вполне очевидно, что любая деятельность в условиях нашего временного существования последовательно подпадает под эту цель. Но многообразие плодов нашего творчества невозможно возвести в план религиозной жизни, — они апеллируют ко времени, не переходя в плоскость вечности, и остаются в качестве средства для временного миропорядка. Эти плоды в отрыве от подлинно религиозной жизни способны облагораживать мир, но не преобразовать его.

Возникает вполне закономерный вопрос: есть ли необходимость в создании техники, в научной деятельности, наконец, в церковных правилах и канонах? В строгом смысле этой необходимости нет.

Создание — это проявление лишь одной стороны человеческого духа. Создание, в основе которого лежит уже преображающее начало, — проявление свободной личности, призванной к божеству. Нам дарована способность свободно создавать сообразно потребностям нашей естественной человеческой природы и в равной степени дарована способность включать собственное творчество в «план» религиозной жизни, в качестве средства к достижению Основной цели. Но важно также понимать, что любой плод нашей деятельности может в результате подчинить нашу же собственную свободу, вплоть до претензии на религиозную абсолютизацию своей временной экзистенции. Если христианство ничего не запрещает [5], то напоминает о духовной свободе личности, корнями уходящей в безграничную реальность. В границах религии человек способен быть «мерой всех вещей», не исключая при этом центрального значения божественной благодати, проводником которой в ограниченный временем и пространством мир сам же человек и является. Здесь человек обретает свободу, преодолевая деспотическую природу греха и становясь светочем миру. Тот мир, который существует вокруг нас, — мир наших идей и многогранного творчества — в религиозном преображении способен иметь наибольшую ценность, чем паразитирующая на свободе культивация наших рук.

Из глубин собственной личности мы можем видеть, что для нас является свободой по существу, устанавливая верное к ней отношение в религиозном поиске Бога.

Осмысляя современное положение вещей, приходят такие мысли: Россия — многонациональная, загадочная страна. Испокон веков у нее был свой особенный путь. И начиная от Крещения Руси православие было ее оплотом, основой, религией большинства. В советские годы люди, стремясь к свободе от монархии, уничтожили церкви, казнили святых отцов или же бросили их в тюрьмы. Бог был забыт. Вместо Бога люди стали поклоняться вождям: Ленину, Сталину... Но разве они стали свободными? Нет. Страшный гнет и ужас опустели тогда на страну, репрессии, черные воронки, клеветы и доносы, слезы, смерти... сейчас все это — прошлое. И снова православие призывает своих сынов и дочерей. Величайшее счастье и ценность для человека — свобода. Свобода во Христе. Иисус Христос сказал: если пребудете в слове Моём, то вы истинно Мои ученики, и познаёте истину, и истина сделает вас свободными (Ин. 8, 31–32). Я есмь путь и истина и жизнь (Ин. 14, 6). Познавать истину в христианстве — значит пребывать в слове Христовом, быть учеником Христа, жить Христом и со Христом. Ибо Истина в христианстве личностна. Она — «Кто», а не «что» (ср. вопрос Пилата Христу: Пилат сказал Ему: что есть истина? [Ин. 18, 38]). Путь такого христианского познания кардинально отличается от путей познания, предложенных как античной, языческой, так и философией нового времени, где высшим инструментом и инстанцией познания истины признавался человеческий разум.

Но парадокс в том, что в наши дни вера в Господа в понимании людей упрощена. Низведена на бытовой уровень. Некоторые говорят даже: «После крещения ведь прощаются все грехи? Ну я тогда пока креститься не буду, еще хочу погрешить, а на старости лет смою с себя грехи крещением».

Свобода, которую дарует Господь, дарует православная вера, понимается неправильно, идет подмена понятий, и из-за этого зачастую истинно верующие люди вдруг впадают в сомнения, в искушения и пороки.

Русская православная церковь выразила свое отношение к принципу «свободы совести» в своей недавно принятой социальной концепции. Отметим, что этот принцип появился как юридическое понятие в XVIII–XIX вв., превратился в основополагающее понятие лишь после Первой мировой войны и только в наше время стал достоянием Всеобщей декларации прав человека, православная церковь квалифицировала его как свидетельство того, что «в современном мире религия из “общего дела” превращается в “частное дело” человека». Православная церковь также увидела в утверждении этого принципа симптом распада «системы духовных ценностей, потерю устремленности к спасению в большей части общества», подчеркнув, что «если первоначально государство возникло как инструмент утверждения в обществе божественного закона, то свобода совести окончательно превращает государство в исключительно земной институт, не связывающий себя религиозными обязательствами». Православная церковь имеет основания видеть в утверждении юридического принципа свободы совести свидетельство утраты обществом «религиозных целей и ценностей», «массовой апостасии и фактической индифферентности к делу церкви и к победе над грехом». К обязанностям церкви относится и то, что она «должна указывать государству на недопустимость распространения убеждений или действий, ведущих к установлению всецелого контроля за жизнью личности», то есть, по сути, к подавлению ее свободы. Надо сказать, что архиереи, принимавшие эту концепцию, проявили большое мужество.

Так в чем же ценность свободы в православии? Думается, что в победе человека над лжесвободами. Истинная свобода — это основа подлинного счастья человека. Когда духовное победит телесное, когда человек полюбит и примет себя самого, но без гордыни, а как дитя Господа. Лишь настоящему, по православному свободный человек может полюбить мир, полюбить других людей, пожалеть их, испытывать к ним сострадание, милосердие, как к братьям своим родным.

Напряженная обстановка в стране, когда близкая нам держава оказалась в оппозиции, поддерживаемой давним политическим оппонентом, смерти, раскол общества, тревожные выпуски новостей, безденежье, кредитные ямы, куда люди лезут сами, обманывая самих себя... Как спасти свой народ? Как освободить русский народ от этого сковывающего страха, вечной гонки, схожей с бегом белки в колесе?

Чистая совесть, чистые помыслы, добрые дела, любовь к ближним и человечеству в целом, смирение — это и есть главные ценности Свободы в Православии.

Литература

1. Антоний, митрополит Сурожский. Беседы о вере и Церкви. — М.: Интербук, 1991. — С. 56.

2. В поисках идеала: Очерки русской религиозно-идеалистической этики начала XX века. — Тамбов, 2000. — С. 61.
3. Гаджиев К.С. Размышление о свободе // Вопросы философии. — М., 1993. — № 2. — С. 45.
4. Варнава Беляев, епископ. Основы искусства святости. Опыт изложения православной аскетики // Соч.: в 4 т. — Н. Новгород: Издание братства во имя св. князя Александра Невского, 1998. — Т. 4. — С. 65.
5. Бердяев Н. А. О назначении человека. — М.: Республика, 1993. — С. 78.

УДК 27-184

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-167-171

ТРАНСЦЕНДЕНТНО-ИММАНЕНТНЫЙ ПОДХОД К РЕЛИГИОЗНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

© Эржена Дондобовна Чагдурова

кандидат философских наук, доцент, Бурятский государственный университет

E-mail: chagd60@mail.ru

В статье рассматриваются дихотомические и трансцендентно-имманентные подходы к проблеме возникновения религиозного чувства в человеке. Дихотомический подход утверждает, что религия и общество возникают и функционируют по разным законам и ни одно из них не является определяющим в их взаимодействии. Трансцендентно-имманентный подход доказывает, что религия и общество не просто взаимодействуют друг с другом, но религия изначально присуща человеческому обществу. Наиболее ярко данный подход представлен в «анонимном христианстве», которое утверждает, что искупительная жертва Иисуса Христа распространяется на всех, кто живет в соответствии с общечеловеческими моральными нормами. Эта мысль способствовала тому, чтобы идеи нравственного самосовершенствования человека, независимо от его религиозной принадлежности, легли в основу экуменического движения. Автор обращает внимание на то, что православная философия акцентирует трансцендентно-имманентную сущность религиозного чувства, а не просто имманентно присущую ему религиозность.

Ключевые слова: религия, философия, дихотомический подход, трансцендентно-имманентный подход, иррационализм, общество.

TRANSCENDENT-IMMANENT APPROACH TO RELIGIOUS MAN

Erzhena Chagdurova

PhD, Associate Professor, Buryat State University

The article deals with dichotomous and transcendent-immanent approach to the problem of the emergence of religious man's feeling. Dichotomous approach argues that religion and society emerge and operate according to different laws and none of them is not a determining factor in their interaction. Transcendent-immanent approach proves that religion and